PROCESSED
APR 25 2007
GTU LIBRARY

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе
къ журналу
„Православная Русь".

5

МАЙ 1959 MAY

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Second-class postage paid at Jordanville, New York.

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE
THEOLOGICAL UNION

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово въ недѣлю о Самарянкѣ. Приснопамятнаго архіеп. Симона. 3
Въ Понятаевской обители въ началѣ революціи. М. В. 6

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Житіе св. Исидора Христа ради юродиваго. М. В. 11
Страданіе св. мученика Ѳеодота Анкирскаго и св. мученицъ семи дѣвъ. М. В. 14
Житіе преп. матери нашей Евфросиніи, игуменіи обители «Святаго Спаса въ Полоцкѣ». М. В. 22

Училище блгочестія.

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова. Отдѣлъ II. О прелести. 27

ИМѢЕТСЯ НА СКЛАДѢ:

БОГОСЛУЖЕБНЫЕ КАНОНЫ НА ДВУНАДЕСЯТЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Въ русскомъ переводѣ съ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями Проф. С.-Петербургской Духовной Академіи Евграфа Ловягина. Въ книгѣ 134 стр. 1947 г. Цѣна 1.00 долларъ.

Въ мірѣ молитвы,

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О ПРАВОСЛАВНОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ.

Составилъ прот. Михаилъ Помазанскій. Въ качествѣ приложенія къ книгѣ присоединенъ **Объяснительный словарь церковно-славянскихъ словъ**, А. Н. Соловьева.

Въ книгѣ 150 стр. Цѣна $ 1-.

ОТКРОВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ СТРАННИКА ДУХОВНОМУ СВОЕМУ ОТЦУ.

I-я и II-я части вмѣстѣ 293 стр.. Третье изданіе. Парижъ. Цѣна $ 2, 25.

БОГОМОЛЬЕ, Ив. Шмелевъ. 189 стр. изд. второе. Парижъ.

ЛѢТО ГОСПОДНЕ. Ив. Шмелевъ. 527 стр. Парижъ. Цѣна 4.00 доллара.

Слово въ недѣлю о Самарянкѣ.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

5 / 18 мая 1930 г.

Повѣствуется въ Евангеліи о бесѣдѣ Господа Іисуса Христа съ женщиной Самарянкой. Самаряне не принадлежали къ народу Божію. Это былъ народъ, переселенный въ Палестину изъ другого мѣста. Но они чтили истиннаго Бога и подобно Іудеямъ ожидали пришествія въ міръ Мессіи — Христа.

Проходилъ Господь однажды чрезъ Самарію и, утрудившись отъ пути, сѣлъ у колодца, а ученики Его ушли въ ближайшій го-

родъ купить пищи. И вотъ приходитъ къ колодцу женщина самарянская почерпнуть воды. Господь говоритъ ей: «дай Мнѣ пить.» Женщина отвѣтила: «какъ Ты, будучи Іудей, просишь пить у меня, самарянки, ибо Іудеи съ Самарянами не собщаются. Іисусъ сказалъ ей въ отвѣтъ: «если бы ты знала даръ Божій и кто говоритъ тебѣ — дай мнѣ пить —то ты сама просила бы у Него, и Онъ далъ бы тебѣ воду живую.» Женщина говоритъ Ему: господинъ, Тебѣ и почерпнуть нечѣмъ, а колодезь глубокъ, откуда же у тебя вода живая. — Неужели Ты больше отца нашего Іакова, который далъ намъ этотъ колодезь, и самъ изъ него пилъ, и дѣти его, и скотъ его. — Іисусъ сказалъ ей въ отвѣтъ: «всякій пъющій воду сію, возжаждетъ опять а кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ, но вода, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную.» Женщина говоритъ Ему — господинъ, дай мнѣ этой воды, чтобы мнѣ не имѣть жажды и не приходить сюда черпать. Іисусъ говоритъ ей — «пойди, позови мужа твоего и приди сюда.» Женщина сказала въ отвѣтъ: у меня нѣтъ мужа. Іисусъ говоритъ ей: «правду ты сказала, что у тебя нѣтъ мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тотъ, котораго нынѣ имѣешь, не мужъ тебѣ, это справедливо ты сказала». Женщина говоритъ Ему: Господи, вижу, что Ты пророкъ. Отцы наши поклонялись на этой горѣ, а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Іерусалимѣ. Іисусъ говоритъ ей: «повѣрь Мнѣ, что наступаетъ время, когда не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаемъ, чему кланяемся, ибо спасеніе отъ Іудеевъ. Но настанетъ время, и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ. Богъ есть Духъ, и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ.» Женщина говоритъ Ему: знаю, что придетъ Мессія, то есть Христосъ. Когда Онъ придетъ, то Онъ возвѣститъ намъ все. Іисусъ говоритъ ей: «это Я, Который говорю съ тобой.» (Іоан. **4.** 10 - 26). Въ это время пришли ученики Его и женщина, прекративъ бесѣду, побѣжала въ городъ и привела своихъ согражданъ къ Іисусу Христу слушать Его проповѣдь.

Подъ образомъ живой воды, текущей въ жизнь вѣчную, Господь въ бесѣдѣ съ Самарянкой говорилъ о Духѣ, котораго имѣли принять вѣрующіе въ Него (Іоан. **7,** 38-39). Пришествіе Святаго Духа на Апостоловъ въ день Пятидесятницы, а черезъ нихъ и на вѣрующихъ во всемъ мірѣ, измѣнило весь строй жизни народовъ на землѣ. Но уже и въ тотъ день, о которомъ повѣствуетъ нынѣшнее Евангельское чтеніе, ясно обнаружилось благодатное измѣненіе людей, обѣщанное Господомъ вѣрующимъ въ Него, подъ образомъ воды живой.

Прежде всего та Самарянка, женщина небезупречная въ своемъ поведеніи, подъ вліяніемъ бесѣды съ Господомъ Іисусомъ Христомъ сдѣлалась проповѣдницей о Немъ среди согражданъ, а впослѣдствіи она, со своими дѣтьми, претерпѣла мученическую смерть за вѣру Христову. Равнымъ образомъ и Самаряне, сограждане той женщины, упросили Господа побыть у нихъ, въ теченіи двухъ дней слушали проповѣдь Его, и многіе увѣровали, что Онъ — истинно Спаситель міра, Христосъ (Іоан. 4. 42.)

Всякое одушевленіе, откудо бы оно ни исходило, дѣлаетъ человѣка сильнымъ въ осуществленіи тѣхъ стремленій, которыми онъ одушевленъ. Но каковъ источникъ одушевленія — таковы и дѣла. Вотъ и безбожники, одушевленные вѣрою въ успѣхъ своихъ замысловъ о переустройствѣ человѣческой жизни на землѣ, сломили могущество Россіи и держатъ въ порабощеніи русскій народъ. Дѣла ихъ тоже можно сравнить съ сильнымъ потокомъ воды, съ стремительнымъ водопадомъ, который сокрушаетъ все, встрѣчающееся на пути, и влечетъ за собой. Но не къ вѣчной жизни ведетъ это одушевленіе, напротивъ — конецъ его погибель: какъ бы ни были величественны замыслы безбожниковъ и какъ бы ни были поразительны ихъ достиженія, они не побѣдятъ смерти и не устоятъ предъ стихійными бѣдствіями.

« Не надѣйтесь», поемъ мы, «на князя, на сыны человѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія: изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою, въ той день погибнутъ вся помышленія его.» (Пс. 145). Такъ сказано о крушеніи замысловъ человѣка со смертію его. А о разрушеніи подъ дѣйствіемъ стихій природы дѣлъ человѣческихъ сказано такъ: «Придетъ день Господень какъ тать ночью и тогда небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же разгорѣвшись разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ.» (2 Петр. 3. 10).

Одушевленіе же, которое Господь обѣщаетъ вѣрующимъ въ Него поистинѣ есть вода жизни, текущая въ жизнь вѣчную. Источникъ этого одушевленія — вѣра въ вѣчное Царство Христово, поэтому и плоды, какіе возращаетъ это одушевленіе, неразрушимы ни смертію ни стихіями природы. Эти плоды суть: правда, миръ и радость.

Кто одушевленъ вѣрою во Христа, тотъ — по слову Господню — ищетъ прежде всего Царства Божія и правды Его (Мтѳ. 6. 33), т. е стремится разумѣть эту правду. Во первыхъ онъ, поступая со всѣми окружающими съ искреннимъ и правдивымъ расположеніемъ, старается каждому воздать соотвѣтственное. Во вторыхъ — во всемъ случающемся съ нимъ и съ окружающими его онъ старается усмотрѣть правду Небеснаго Судіи, наказующаго насъ или награждающаго.

Доколѣ мы связаны съ плотью, неразлучно съ нами многое,

что насъ возмущаетъ и лишаетъ мира: гдѣ, напримѣръ, во взаимныхъ отношеніяхъ не все справедливо, тамъ уже нѣтъ мира между людьми, и когда человѣкъ не разумѣетъ правды Божіей въ томъ, что его постигаетъ, онъ не имѣетъ мира къ Богу. Но кто одушевленъ вѣрою въ грядущее явленіе Царствія Божія, тотъ побѣждаетъ такое отнимающее миръ возмущеніе.

Сила одушевленія отъ вѣры въ Царствіе Божіе въ томъ, что вѣрующій уже видитъ, хотя еще какъ бы сказать сквозь тусклое стекло, явленіе Царства Божія, видитъ, какъ антихристова сила всюду терпитъ пораженіе отъ слабыхъ по внѣшности носителей Христова Духа, видитъ это — и радуется, и радости этой никто и ничто не можетъ у него отнять.

Въ концѣ бесѣды Своей съ Самарянкой Господь сказалъ: «Настанетъ время и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ.» Вотъ и для насъ настало время поклоняться Отцу Небесному не просто по привычкѣ, какую имѣемъ по происхожденію изъ христіанской семьи, какъ народъ искони-православный, а поклоняться въ духѣ и истинѣ, т. е. съ яснымъ сознаніемъ и вѣрою, что Господь Іисусъ Христосъ есть защитникъ нашей жизни и что каждый изъ насъ, чтобы спастись отъ погибели, грядущей на всю вселенную, т. е. отъ отчаянія, въ какомъ неизбѣжно погибаютъ отпавшіе отъ вѣры, долженъ принять самое живое участіе въ борьбѣ Церкви Христовой съ антихристомъ.

Вотъ вѣра въ явленіе Царства Божія и основанная на этой вѣрѣ одушевленная борьба противъ антихристова духа и есть та живая вода, о которой говорилъ Господь съ Самарянкой.

Въ Понятаевской обители въ началѣ революціи.

Разсказъ монахини Э.

Во время первой міровой войны пришлось сестрамъ Лѣснинской женской обители покинуть свой монастырь, такъ какъ надвигался непріятель.

Насъ сначала привезли въ Петроградъ. Черезъ двѣ недѣли 20 сестеръ и 200 дѣтей монастырскаго пріюта были отправлены въ Понятаевскій монастырь, находившійся въ Нижегородской губерніи. Эту обитель основалъ самъ батюшка преп. о. Серафимъ. Въ этомъ монастырѣ уже былъ свой небольшой дѣтскій прі-

ютъ. Впослѣдствіи часть нашихъ Лѣснинскихъ дѣтей была отправлена въ Бессарабію, въ Шапкинскую обитель, куда переѣхалъ нашъ монастырь. Нѣкоторыхъ дѣтей отослали къ родителямъ. Только круглыя сиротки остались въ Понятаевкѣ, гдѣ насъ и застала революція. Нѣкоторымъ нашимъ сестрамъ удалось съ Божіей помощью уѣхать во-время изъ Понятаевской обители и соединиться въ Бессарабіи со своею Лѣснинской обителью. А десять нашихъ сестеръ, въ числѣ которыхъ была и я, остались въ Понятаевкѣ. Запоздали мы съ отъѣздомъ, и пришлось намъ пожить подъ властью большевиковъ.

Дѣтскимъ пріютомъ стала завѣдывать совѣтская начальница Софья Ѳедоровна Шеръ. Съ нашими монастырскими дѣтьми помѣстили и совѣтскихъ.

У начальницы было пятеро своихъ дѣтей. Вѣра — пятнадцати лѣтъ, Надежда — двѣнадцати, Любочка — семи, Тамара — шести и Володя — восемнадцати лѣтъ. У одной матери были разныя дѣти. Только двое вѣрили въ Бога: Наденька и Любочка. Софья Ѳедоровна разрѣшала Надѣ ходить въ церковь, такъ какъ, по ея словамъ, она была уже «совершеннолѣтняя». Семилѣтней же Любочкѣ она запрещала посѣщать храмъ Божій, говоря, что она еще маленькая и неразумная, а когда подрастетъ, то сможетъ дѣлать что хочетъ. «Ахъ, скорѣе бы мнѣ вырости, чтобы, какъ и Наденька, молиться въ церкви», — грустно вздыхала бѣдная Любочка.

А какъ было тяжело слушать, когда Володя, Вѣра и даже крошка Тамара гордо говорили: «Бога нѣтъ. Мы въ Него не вѣримъ. Все природа». Эти глупыя дѣти наслушались безумныхъ рѣчей большевиковъ и повторяли ихъ слова. Большевики меня назначили няней при дѣтскомъ Лѣснинскомъ пріютѣ.

Приходили ко мнѣ часто Наденька съ Любочкой, чтобы, какъ говориться, «душу отвести». Отецъ и мать были коммунистами, а дѣвочки души имѣли нѣжныя, вѣрующія. Чужими были для нихъ и отецъ и мать, братъ и сестры. Пожалѣла я однажды Любочку отъ всей души, и дала ей такой совѣтъ: «Ты очень скучаешь безъ церкви? Когда ты возлѣ храма играешь съ дѣтьми — проскользни незамѣтно въ него: мама не увидитъ. Помолись тамъ за папу, маму, брата и сестеръ».

Любочка такъ и сдѣлала. Играла съ ребятишками. Послѣ окончанія игры дѣтишки разбѣжались. Любочка осталась возлѣ церкви одна. Она тихонько вошла въ домъ Божій, помолилась и вышла. Приходитъ ко мнѣ веселенькая и говоритъ: «Я, сестрица, въ церкви была».

Однажды дѣвочка мнѣ сказала: «Ахъ, какъ мнѣ хочется причаститься!» А я говорю ей: «А ты, Любочка, играй съ дѣтьми,

а когда они уйдутъ, опять проскользни въ церковь, подойди къ той монахинѣ, которая продаетъ свѣчи, и скажи ей, что ты хочешь причаститься. Ты вѣдь маленькая, тебя батюшка скоро поисповѣдуетъ». «А мнѣ надо платьице чистенькое надѣть?» А я ей говорю: «Не надо платья чистаго. Лишь бы душа была чистая. Иди. въ чемъ играешь съ дѣтьми». Господь помогъ Любочкѣ исполнить ея доброе желаніе, и дѣвочка тихонько отъ матери причастилась. Прибѣжала ко мнѣ, сіяя отъ счастья: «Сестрица, я причастница!» Я ее направила къ нашей Лѣснинской дѣвочкѣ Настенькѣ, которая оставила ей чай.

Мужъ Софьи Ѳедоровны жилъ въ городѣ Арзамасѣ. 17 сентября дѣти его поѣхали къ нему, т. к. Вѣра, Надежда, Любовь и сама Софья Ѳедоровна были именинницами. Когда дѣвочки вернулись въ пріютъ, то Любочка по дѣтски хвалилась: «Сестрица, какъ намъ было весело на нашихъ именинахъ! У насъ было все, все! Всякое угощеніе!» «А въ церковь то ходили?» — спросила я. «Н-ѣ-ѣ-тъ, — смущенно протянула Любочка. Одна только Наденька была въ церкви и причащалась, а я то нѣтъ».

«Какъ выростешь, смотри, въ этотъ день иди въ церковь и причащайся. Вотъ Наденька причащалась, и съ нею былъ Господь и Ангелъ Хранитель. А вы только наѣлись, напились и говорите, что вамъ весело было. Это не настоящая радость».

«Что же дѣлать, когда мамочка говоритъ, что я глупая, маленькая, а Наденька уже взрослая и знаетъ, что дѣлаетъ», — сказала бѣдная дѣвочка, которую неразумная мать лишала радостнаго соединенія съ Господомъ.

Большевики въ то время еще не смѣли открыто бороться съ Богомъ. Наши Лѣснинскія дѣвочки ходили въ церковь, а учительницы-коммунистки ихъ спрашивали: «Васъ заставляютъ монахини ходить въ церковь?»

«Нѣтъ, мы сами любимъ ходить въ церковь!» — отвѣчали наши воспитанницы.

Въ Понятаевскомъ монатырѣ была деревянная, старая церковь. Входите въ притворъ и видите: сидитъ преп. Серафимъ на пенечкѣ — какъ есть живой, въ бѣломъ балахончикѣ, въ скуфейкѣ, полумантіи. Батюшка въ одной рукѣ держитъ мѣшочекъ съ сухариками, а другой протягиваетъ сухарикъ косматому Мишкѣ. Какъ же любили дѣти ходить въ эту церковь, чтобы только полюбоваться на святого батюшку. Они съ благоговѣніемъ смотрѣли на его кроткій ликъ, на его одежду. Чучело медвѣдя ихъ приводило въ восторгъ. Совсѣмъ, совсѣмъ настоящій медвѣдь!

Не сладко дѣтямъ было при большевикахъ. Кормили довольно плохо. Зимою дѣти ходили въ рваныхъ башмакахъ безъ чулокъ.

Однажды «начальство» развѣсило въ столовой, гдѣ ѣли дѣти, портреты своихъ «вождей» — Ленина, Троцкаго, и т. д. Одна дѣвчурка взглянула на портреты и откровенно, отъ всего дѣтскаго сердца, протянула: «Фу, фу, какіе же они некрасивые!» А мальчикъ, указывая на иконы, спросилъ: «А эти красивыя?» «О, еще какія! Очень, очень красивыя!» — воскликнула дѣвочка.

Однажды я подала дѣтямъ на обѣдъ вареную картошку «въ мундирѣ» и ушла. Возвращаюсь — и къ моему ужасу вижу, что у «вождей» на портретахъ залѣплены рты шелухой отъ картошки. Чтобы начальство не увидѣло, я поскорѣе стряхнула это «украшеніе». Не дай Богъ, увидѣли бы большевики такую насмѣшку надъ ихъ вождями! Досталось бы намъ, сестрамъ, за дѣтскія проказы.

А на слѣдующее утро еще больше я перепугалась. Прихожу въ столовую и вижу: на всѣхъ портретахъ «вождей» — дыры вмѣсто глазъ. «Очи великихъ людей» вырѣзаны нашими проказниками-ребятишками. А тутъ вслѣдъ за мною приходитъ начальница, смотритъ на зловѣщія дыры и въ ярости спрашиваетъ: «Это кто сдѣлалъ?» Долго я увѣряла начальницу, что это не могли сдѣлать сестры, которыя хорошо знали, какое бы ихъ ждало тяжелое наказаніе за насмѣшку надъ вождями. Начальница поняла, что это дѣти нашалили. А въ тѣ времена у большевиковъ запрещалось дѣтей наказывать — дѣлай что хочешь! Свобода полная. Только начальница поняла хорошо, съ какимъ «уваженіемъ» относятся наши дѣти къ ихъ «великимъ людямъ».

Послѣ Софьи Ѳедоровны Шеръ начальницей была Марія Ѳедоровна. Фамиліи ея не припомню. Вскорѣ послѣ пріѣзда собрала она дѣтей Лѣснинскихъ и стала имъ проповѣдывать безбожіе.

«Все — природа. Никто ее не создавалъ. Міръ былъ всегда и будетъ всегда. Онъ самъ собою управляется».

«И телѣга сама собою не пойдетъ безъ хозяина. И конемъ надо управлять, а вы хотите, чтобы міръ самъ собою управлялся!» — раздается дѣтскій голосъ.

«Да и поѣздъ не пойдетъ безъ машиниста», — возражаетъ другая дѣвочка.

Марія Ѳедоровна не находится, какъ отвѣчать на эти разумныя замѣчанія Лѣснинскихъ дѣтей.

«Богъ не создавалъ человѣка. Онъ произошелъ отъ обезьяны» — проповѣдуетъ дальше новая начальница.

«А обезьяну кто сотворилъ? Не сама же собою она произошла» — раздается насмѣшливый голосокъ.

Не припомню всѣхъ разумныхъ заявленій дѣтей и всей глупой проповѣди Маріи Ѳедоровны. Помню только: я удивлялась, какимъ Божественнымъ разумомъ были проникнуты рѣчи дѣт-

скія, словно не они говорили, а ихъ чистыми устами вѣщалъ Самъ Духъ Святый. Дѣти, какъ говорится, «приперли къ стѣнѣ» безбожницу. Она махнула рукой, ушла и больше не рѣшалась спорить съ дѣтьми Лѣснинскаго пріюта.

Зато большевики запирали въ комнатѣ дѣтей Понятаевскаго пріюта и проповѣдывали имъ безбожіе.

Вздумали большевики однажды придти и къ нашимъ дѣтямъ. А наша старая монахиня намъ тихонько сказала: «Вы считаетесь нянями у дѣтей — такъ вы ихъ однихъ съ боль-шевиками не оставляйте».

И коммунисты не посмѣли отогнать сестеръ отъ дѣтей. Они только попросили, чтобы дѣти показали свои игры. Большевики пришли въ восторгъ отъ пѣнія и игръ Лѣснинскихъ дѣтей и спросили: «Кто ихъ такъ чудесно научилъ интереснымъ играмъ и съ пѣніемъ?» Показали на меня. «Да эту сестру надо взять въ нашу школу въ Арзамасъ. Тамъ дѣти не умѣютъ такъ чудесно играть!»

Испугалась я, какъ услышала эти слова! Каково бы мнѣ было разстаться съ монастыремъ и съ моими любимыми Лѣснинскими дѣтьми. Слава Богу, большевики не исполнили своего намѣренія и оставили меня на мѣстѣ.

Наступилъ Свѣтлый Праздникъ Пасхи. Передъ заутреней Марія Ѳедоровна объявила дѣтямъ: «Я запираю домъ. Ключъ кладу подъ подушку и ложусь спать». А дѣти тихонечко усмѣхаются и говорятъ между собою: «Запирай, запирай домъ, клади ключъ подъ подушку. Мы все равно будемъ въ церкви».

И такъ дѣтишки и сдѣлали, какъ обѣщали. Они появились во всемъ сборѣ въ церкви на заутрени. Къ тому времени ихъ оставалось человѣкъ 50. Сестры только съ удивленіемъ смотрѣли на дѣтвору и спросили, какъ же они ухитрились выбраться изъ запертаго дома? Оказывается, наши смѣлыя дѣти съ Божіей помощью, не боясь упасть съ третьяго этажа, вылѣзли изъ окошекъ спальной комнаты, прошли по карнизамъ до желобовъ и по нимъ спустились внизъ. Такъ они оказались въ церкви, чтобы вмѣстѣ съ нами прославить всерадостную, свѣтлую Пасху Господню.

А безбожница Марія Ѳедоровна крѣпко спала и не замѣтила, какъ дѣти тайно отъ нея побывали въ церкви и какъ по желобамъ и карнизамъ, хранимыя Богомъ, благополучно вернулись домой и спокойно улеглись въ свои кроватки.

Милостію Божіей я выбралась изъ Совѣтской Россіи и пріѣхала въ Югославію, куда изъ Бессарабіи переѣхалъ нашъ Лѣснинскій монастырь. Что сдѣлалось съ Понятаевской обителью, мнѣ неизвѣстно.

М. В.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Житіе св. Исидора Христа ради юродиваго.

14 мая.

Св. Исидоръ родился на Западѣ. По рожденію онъ былъ германцемъ. Онъ полюбилъ православную вѣру и рѣшилъ бѣжать изъ родительскаго дома въ православную страну. Снявъ съ себя богатыя одежды, онъ одѣлся нищимъ и притворился безумнымъ. Святой покинулъ свое отечество и направился въ нашу страну. Злые люди по дорогѣ его укоряли, обижали, били. Онъ мерзъ зимою въ своей ветхой, холодной одеждѣ, лѣтомъ его опаляло солнце. Днемъ онъ шелъ, а ночью молился Богу, плакалъ и говорилъ себѣ: «О, Исидоръ, ты долженъ много страдать и скорбѣть, чтобы войти въ небесное царство!» Такъ утѣшалъ себя блаженный на тяжеломъ пути своемъ, переходя изъ города въ городъ, пока не дошелъ до нашей родины, Святой Руси. Онъ достигъ славнаго нашего многолюднаго города Ростова и остался въ немъ жить. Онъ сдѣлалъ себѣ изъ хвороста шалашъ, безъ крыши, среди болота, на сухомъ мѣстѣ. Днемъ онъ ходилъ по городу, представляясь безумнымъ. Его жестоко обижали, били до ранъ, а онъ кротко терпѣлъ, молясь Богу за тѣхъ людей, которые его мучили. На ночь онъ приходилъ въ свой шалашъ и до утра молился, усердно кладя многіе поклоны.

Холодна, люта зима на нашей Святой Руси. Дуютъ зимою вьюги снѣжныя, осенью льютъ холодные, безконечные дожди, застилаютъ землю сырые туманы. А св. Исидоръ стоялъ подъ открытымъ небомъ. Снѣга его заметали, дожди мочили насквозь,

вѣтры обдували его плохо одѣтое тѣло. Иногда, изнемогая отъ долгой молитвы, онъ на короткое время ложился на голую холодную землю и засыпалъ на мгновеніе, ничѣмъ не покрытый. Кругомъ него былъ только хворостъ, въ которомъ свистѣлъ пронзительный вѣтеръ. Страшный мракъ окружалъ святого, а онъ спалъ тихо и спокойно, словно на мягкой постели. И сладко ему было ради любви къ Господу терпѣть такую тяжелую — для насъ, кажется, невыносимую жизнь. И былъ онъ на землѣ словно ангелъ Божій. Сколько онъ возлюбилъ Господа, столько и Господь полюбилъ и прославилъ своего раба. Однажды купцы плыли по морю со своими товарами. Вдругъ корабль всталъ среди моря и не двигался дальше. Громадныя волны набѣгали на корабль и готовы были вотъ-вотъ его потопить.

Всѣ стали ожидать смерти. Задумали купцы бросить жребій, чтобы узнать изъ-за кого погибаетъ корабль. Жребій палъ на одного купца изъ города Ростова. Несчастнаго посадили на доску и пустили въ море. Тотчасъ же корабль двинулся впередъ. Волны носили человѣка, и онъ каждое мгновеніе ожидалъ смерти. Вдругъ передъ нимъ предсталъ угодникъ Божій Исидоръ. Онъ шелъ по морю, словно по твердой землѣ. Святой спросилъ купца: «Знаешь ли ты меня?» Купецъ едва могъ отвѣтить: «О, рабъ Божій, Исидоръ, спаси меня отъ смерти!»

Святой взялъ его за руку, посадилъ на доску, и она словно стала лодкой, не утопая, поплыла по бушующему морю. Святой погналъ доску вслѣдъ уже далеко отшедшему кораблю. Скоро онъ достигъ его, и посадилъ купца на корабль, цѣлаго и невредимаго. Онъ сказалъ ему: «Смотри, никому не говори, что я тебя спасъ, скажи, что сила Божія избавила тебя отъ потопленія».

Какъ же удивилися купцы, увидѣвъ своего друга снова на кораблѣ здороваго, живого! Они прославили величіе и могущество Создателя.

Когда купецъ вернулся въ Ростовъ, онъ встрѣтилъ на улицѣ св. Исидора. Издалека онъ только ему низко и почтительно поклонился. И до блаженной смерти святого купецъ никому не говорилъ о чудѣ.

Однажды святой пришелъ во дворецъ князя Ростовскаго. У князя въ это время на обѣдѣ былъ епископъ. Святой попросилъ слугу, который въ это время подавалъ гостямъ напитки, дать ему воды. Злой слуга грубо прогналъ блаженнаго. Только слуга собрался нести напитки на княжескій столъ, какъ къ ужасу своему замѣтилъ, что недавно полные сосуды напитковъ оказались пустыми.

Князь узналъ о случившемся и очень опечалился, что прогнали блаженнаго. Онъ понялъ, что Господь наказалъ ихъ за то,

что слуга его не далъ напиться рабу Божію. Онъ разослалъ слугъ, чтобы они по всему городу искали юродивого, чтобы позвать его къ себѣ. Однако, святого нигдѣ не нашли. Когда обѣдъ уже кончился и князь печально сидѣлъ за столомъ, огорченный тѣмъ, что гости остались безъ напитковъ, — вдругъ предсталъ святой Исидоръ. Онъ сказалъ епископу: «Возьми, святитель, эту просфору. Я только что получилъ ее изъ руки святѣйшаго митрополита въ Кіевѣ, въ церкви святой Софіи.»

О, дивное Божіе чудо! Отъ Кіева до Ростова въ прежнее время, когда жилъ св. Исидоръ, надо было ѣхать на лошадяхъ многіе, многіе дни: отъ одного города до другого около тысячи верстъ. Какъ же очутился святой въ одно мгновеніе въ Кіевѣ, побывалъ у митрополита и снова оказался въ Ростовѣ, во дворцѣ? Господь такъ возлюбилъ своего терпѣливаго раба, что послалъ ангела Божія, и тотъ перенесъ блаженнаго въ Кіевъ и обратно — все въ одинъ часъ. Какъ только святой появился въ княжескомъ дворцѣ — сейчасъ же всѣ опустѣвшіе сосуды снова наполнились напитками, и все люди, видя чудо Божіе, въ страхѣ прославили Господа, творящаго черезъ своихъ рабовъ дивныя чудеса.

Настало время — и святой пересталъ появляться въ городѣ. Блаженный преставился къ Господу въ своемъ шалашѣ, и никто не зналъ о его кончинѣ. Божіи ангелы унесли его святую душу въ небесный Іерусалимъ. Внезапно городъ наполнился неизреченно прекраснымъ благоуханіемъ. Люди удивлялись, спрашивали другъ друга: «Откуда исходитъ это благовоніе?» Одинъ человѣкъ, проходя мимо шалаша святого, почувствовалъ, что оттуда идетъ сильное благоуханіе. Заглянувъ въ шалашъ онъ увидѣлъ святого, лежащаго на землѣ. Лицо его было обращено къ небу, руки были сложены крестообразно на груди. Человѣкъ понялъ, что блаженный отошелъ ко Господу, и поспѣшилъ объ этомъ возвѣстить въ городѣ. Богоявленные люди, знавшіе о святой жизни блаженнаго, поспѣшили къ нему и погребли его многотрудное тѣло на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ преставился ко Господу. Пришелъ и тотъ купецъ, котораго святой спасъ отъ потопленія. Онъ припалъ къ могилѣ святаго и, плача, сталъ разсказывать людямъ о чудѣ. Благоговѣйные люди воздвигли надъ могилой блаженнаго церковь въ честь Вознесенія Господа нашего Іисуса Христа, который везнесъ къ Себѣ въ пресвѣтлый рай своего избранника. На могилѣ святого множество больныхъ получали исцѣленіе отъ всякихъ болѣзней во славу Господа нашего Іисуса Христа со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки, аминь.

Страданіе св. мученика Θеодота Анкирскаго и св. мученицъ семи дѣвъ.

18 мая.

Прекрасно житіе св. мученика Θеодота, которое вы сейчасъ услышете. Сначала онъ жилъ, какъ всѣ люди: былъ женатъ, держалъ кормчу, чтобы заработать на жизнь. Но былъ онъ всегда чистымъ, добрымъ человѣкомъ, жалѣлъ нищихъ, принималъ странниковъ. Работая въ своей кормчѣ, онъ постоянно разсказывалъ язычникамъ о Господѣ Христѣ, грѣшниковъ приводилъ къ покаянію. Своею благочестивою жизнью онъ такъ угодилъ Господу, что получилъ благодать исцѣлять болѣзни. Онъ молился, возлагая руки на больныхъ — именемъ Господа нашего Іисуса Христа тяжело больные выздоравливали. Приходилъ къ нему люди страдающіе, печальные, и онъ утѣшалъ ихъ. Пострадать ему пришлось такимъ образомъ.

Когда свирѣпый начальникъ Θеотекнъ гналъ и мучилъ христіанъ, милосердный Θеодотъ безстрашно помогалъ христіанамъ, хотя каждую минуту могъ пострадать за Господа.

Въ своей кормчѣ онъ скрывалъ гонимыхъ христіанъ, кормилъ, покоилъ, какъ только могъ.

Онъ навѣщалъ христіанъ, заключенныхъ въ темницахъ, а тѣмъ, которые скрывались въ темницахъ, въ горахъ и пустыняхъ, приносилъ пищу; погребалъ замученныхъ, тѣла которыхъ выбрасывались на съѣденіе псамъ и хищнымъ птицамъ.

Однажды мучитель Θеотекнъ велѣлъ окроплять всѣ припасы на рынкахъ идоложертвенной кровью, чтобы христіане ѣли нечистую пищу и чтобы нельзя было въ церковь принести для совершенія литургіи иначе какъ оскверненные хлѣбъ и вино. Святой Θеодотъ сталъ тогда жертвовать для Божіихъ храмовъ и раздавать христіанамъ раньше купленныя имъ чистую пшеницу и вино.

Множество христіанъ приходили въ его корчму и св. кормилъ ихъ чистою ѣдою. Въ скоромъ времени кормча превратилась въ храмъ молитвенный и тамъ священники служили литургіи.

Однажды св. Θеодотъ пошелъ въ деревню Малосъ, такъ какъ узналъ что тѣло св. мученика Валента брошено въ рѣку Галіосъ. Недалеко отъ деревни онъ нашелъ въ рѣкѣ св. мощи, и похоронилъ ихъ. Когда онъ возвращался домой, онъ по дорогѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ христіанъ, которые его съ радостью привѣтствовали и тепло его благодарили за то, что онъ имъ недавно помогъ, когда эти христіане были своими родственниками выданы начальнику на мученіе за то, что разорили алтарь богини Артемиды. Св. Θеодотъ съ большимъ трудомъ, давъ игемону много денегъ, выкупилъ братьевъ. Святой былъ очень радъ ихъ ви-

дѣть и пригласилъ ихъ съ собою обѣдать. Мѣсто гдѣ они встрѣтились было очень красиво. Они легли на зеленую, свѣжую траву. Кругомъ росли плодовые деревья. Птицы радостно прославляли Господа. Божіи цвѣты возносили въ небо легкое благоуханіе. Передъ обѣдомъ святой послалъ двухъ своихъ друзей въ деревню, чтобы они пригласили священника раздѣлить трапезу, благословить ихъ обѣдъ и путь дальнѣйшій. Св. Ѳеодотъ никогда не обѣдалъ безъ благословенія священника. Посланные придя въ деревню увидѣли священника, выходящаго изъ церкви. Былъ полдень. Братья сразу не узнали, что это священникъ. Тотъ же поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу. Онъ отогналъ отъ нихъ нападающихъ собакъ и привѣтствовалъ слѣдующими словами: «Христіане ли вы? Если христіане, то зайдите ко мнѣ домой, вмѣстѣ порадоваться о Господѣ». Братья отвѣчали: «Мы христіане и ищемъ христіанъ.» Священникъ улыбнулся и сказалъ самъ себѣ: «О Фронтонъ, вспомни, что ты сегодня ночью видѣлъ во снѣ этихъ братьевъ, которые сказали: « Мы принесли сокровище этой странѣ». И обратившись къ христіанамъ онъ спросилъ: «Скажите какое сокровище вы намъ принесли?»

«У насъ дѣйствительно есть сокровище — нашъ блаженный Ѳеодотъ. Если хочешь можешь его увидѣть. Но покажи намъ сперва священника этой деревни.» отвѣтили братья.

«Передъ вами тотъ, кого вы ищите, — сказалъ священникъ, пойдемъ скорѣе, приведемъ ко мнѣ въ домъ Божія человѣка».

Священникъ пошелъ съ посланными, увидѣлъ св. Ѳеодота и позвалъ его къ себѣ. Но блаженный отвѣтилъ: «Я спѣшу вернуться въ городъ, чтобы послужить братьямъ въ ихъ бѣдахъ, страданіяхъ.» Священникъ помолился, благословилъ трапезу, и они начали обѣдать. Послѣ обѣда св. Ѳеодотъ улыбаясь сказалъ священнику: «Какое здѣсь прекрасное мѣсто для погребенія святыхъ мощей.»

Священникъ сказалъ: «А ты постарайся, чтобы на этомъ мѣстѣ почивали святыя мощи».

«Постараемся только, о отецъ, съ Божіей помощью создать здѣсь немедленно храмъ, чтобы положить въ немъ мощи мучениковъ», сказалъ въ отвѣтъ блаженный. Снявъ перстень съ руки, онъ передалъ его священнику и повторилъ: «Господь свидѣтель, сюда вскорѣ принесутъ мощи мученика.» Такъ блаженный предсказалъ, что вскорѣ его мощи будутъ сюда перенесены. Когда святой вернулся въ городъ, то нашелъ домъ свой разоренный гонителями — точно произошло сильное землетрясеніе.

Въ этомъ же городѣ жили семь дѣвъ — родственницы св. Ѳеодота. Старшая приходилась ему теткой — блаженная Текуса.

Ѳеодотъ узналъ, что онѣ взяты на мученіе. Блаженный сталъ молиться, чтобы Господь укрѣпилъ ихъ перенести страданія. Свя-

той вмѣстѣ съ нѣсколькими христіанами затворился въ малой хижинѣ одного человѣка по имени Θеохарида, палъ ницъ и шесть часовъ горячо молился Богу. Наконецъ, жена Θеохарида принесла вѣсть, что св. дѣвы утоплены въ озерѣ за то, что отказались сдѣлаться жрицами богини Артемиды. Ихъ утопили на праздникъ омовенія идоловъ, который разъ въ годъ совершался съ великимъ торжествомъ. Вмѣстѣ съ идолами ихъ повезли на озеро и утопили.

Получивъ такую вѣсть св. Θеодотъ поднялся съ земли, всталъ на колѣни, воздѣлъ руки къ небу и со слезами сталъ благодарить Бога, услышавшаго его молитву и помогшаго его родственницамъ пострадать и умереть за христа. И началъ онъ спрашивать жену Θеохарида какимъ образомъ были потоплены св. дѣвы: возлѣ берега или посрединѣ.

«Я стояла съ другими женщинами и видѣла, какъ начальникъ долго уговаривалъ св. дѣвъ, чтобы они помогли омывать боговъ и обѣщалъ имъ за это большіе дары, но св. Текуса стала его безстрашно укорять. Жрецы давали имъ бѣлыя одежды, вѣнки изъ прекрасныхъ цвѣтовъ. Св. дѣвы одежды и вѣнки бросили на землю и топтали ногами. Разъяренный игемонъ велѣлъ привязать на шею дѣвамъ тяжелые камни, посадить ихъ въ лодку и везти на самое глубокое мѣсто озера и тамъ потопить св. мученицъ».

Узнавъ о мученической смерти блаженныхъ дѣвъ, сталъ святой до вечера совѣтоваться со своими друзьями — Полихроніемъ и Θеохаридомъ о томъ, какъ мощи Христовыхъ Невѣстъ вынуть изъ воды и похоронить съ честью. Когда закатилось солнце, пришелъ къ нимъ одинъ христіанинъ — юноша Гликерій — и извѣстилъ ихъ, что начальникъ поставилъ при озерѣ стражу, чтобы христіане не взяли тѣла св. мученицъ. Опечалился святой при этомъ извѣстіи. Вечеромъ же св. Θеодотъ пошелъ одинъ помолиться въ ближайшую церковь «Святыхъ Патріарховъ», которая была заперта язычниками, чтобы вѣрные не совершали въ ней Богослуженія. Святой палъ ницъ передъ закрытымъ храмомъ и сталъ горячо молиться.

Вдругъ онъ услышалъ за спиною вопль. Онъ подумалъ, что за нимъ гонятся язычники, быстро всталъ и вернулся въ домъ Θеохарида, гдѣ отъ усталости немного заснулъ. Во снѣ ему явилась его тетка, блаженная Текуса: «Ты спишь, дитя мое Θеодотъ, а о насъ не заботишься; развѣ ты забылъ мои заботы о тебѣ, когда ты былъ маленькимъ? Прошу тебя, не оставляй въ озерѣ нашихъ тѣлъ на съѣденіе рыбамъ. Поторопись ихъ вынуть изъ воды: вѣдь и ты черезъ два дня будешь страдать за Господа. Встань, поспѣши къ озеру. **Только берегись предателя».** Такъ сказала тетка святаго и отошла отъ него.

Онъ проснулся, разсказалъ своимъ друзьямъ о видѣніи. Всѣ со слезами помолились, чтобы Господь помогъ найти мощи св. мученицъ. Св. Ѳеодотъ все думалъ, что обозначаютъ послѣднія слова тетки: «Только берегись предателя». Въ скоромъ времени св. Ѳеодотъ понялъ.

На разсвѣтѣ послалъ онъ къ озеру юношу Гликерія съ Ѳеохаридомъ, чтобы они посмотрѣли какъ стража охраняетъ тѣла Невѣстъ Христовыхъ. Он надѣялся, что ради праздника богини Артемиды, воины, охраняющіе св. мощи, уйдутъ со своего поста. Посланные побывали около озера, увидѣли еще не ушедшую стражу и вернулись домой, чтобы извѣстить о томъ братьевъ. Цѣлый день они молились и постились. Когда насталъ вечеръ, не вкусивъ пищи, вышли они къ озеру. Взяли они съ собой наточенные серпы, чтобы въ водѣ перерѣзать ими веревки на шеяхъ святыхъ мученицъ, къ которымъ были привязаны тяжкіе камни.

Былъ густой мракъ. Не сіяла луна, не сверкали Божіи звѣзды. Пришлось братьямъ проходить мимо одного мѣста, гдѣ казнили злодѣевъ и разбойниковъ. Никто не рѣшался послѣ захода солнца идти мимо этого мѣста, т. к. тамъ лежало множество труповъ, костей, мертвыхъ головъ, воткнутыхъ на острые колья.

Шедшіе были въ страхѣ. Но вдругъ послышался голосъ:

«Иди смѣло, Ѳеодотъ, не бойся!» Братья затрепетали отъ звука таинственнаго голоса, вдругъ раздавшагося среди жуткаго мрака. Они перекрестились. И тотчасъ появилось на небѣ съ восточной стороны пресвѣтлое знаменіе креста, отъ котораго исходили яркіе лучи. Братья въ радости и страхѣ пали на колѣни, поклонились святому кресту и помолились Господу.

Знаменіе креста исчезло, потухло въ небѣ. Снова наступилъ густой мракъ. Шедшіе не могли даже видѣть одинъ другого. Полилъ сильный дождь. Св. Ѳеодотъ со своими друзьями едва шли, скользя по грязи. Когда шедшимъ стала особенно трудно, они встали на молитву и воззвали ко Господу о помощи. И Милосердный Богъ услышалъ ихъ молитву.

Явилась огненная лампада и освѣтила ихъ мрачный путь. Къ св. Ѳеодоту явились два мужа въ бѣлыхъ, свѣтлыхъ одеждахъ. У нихъ были волосы и борода сѣдые. Они сказали Ѳеодоту: «Дерзай, Ѳеодотъ: Господь нашъ Іисусъ Христосъ твое имя вписалъ въ число мучениковъ, услыша твою слезную молитву, твою просьбу помочь найти мощи Невѣстъ Христовыхъ. Мы посланы тебѣ на помощь. Мы одни изъ тѣхъ святыхъ отцевъ, передъ церковью которыхъ ты усердно молился прошлою ночью. Когда ты придешь къ озеру, то увидишь св. мученика Сосандра, вооруженнаго, прогоняющаго стражу: только тебѣ не надо было вести съ собою предателя». Такъ сказали сіяющіе мужи — и исчезли. Не понималъ св.

Θеодотъ, что за предатель идетъ съ нимъ. Они пошли за огненной лампадой, освѣщающей имъ путь, и достигли озера.

Молніи ослѣпляли, грохоталъ громъ, лилъ дождь, буря завывала. Стража отъ страха разбѣжалась — не только изъ-за бури и грозы. Они вдругъ увидѣли среди мрака высокаго воина вооруженнаго, одѣтаго въ броню: на головѣ у него былъ шлемъ, въ рукѣ щитъ, копье. Все оружіе сіяло, какъ огонь. Это былъ св. мученикъ Сосандръ.

Едва живые отъ страха убѣжали воины.

Сильная буря гнала воду озера съ одного берега на другой и открыла дно. Показались мощи Невѣстъ Христовыхъ. Св. Θеодотъ со своими друзьями перерѣзали серпами веревки на шеяхъ ихъ, возложили св. тѣла на колесницы и повезли къ церкви святыхъ патріарховъ, гдѣ и погребли ихъ при храмѣ. Когда насталъ день, разнеслась вѣсть по городу, что украдены изъ озера тѣла христіанскихъ дѣвъ. Игемонъ, жрецы, всѣ язычники были въ ярости; гдѣ только встрѣчали христіанина сейчасъ же влекли на допросъ. Много въ этотъ день пострадало христіанъ. Св. Θеодотъ, видя жестокія страданія христіанъ, хотѣлъ предать себя въ руки мучителей, но его друзья ему воспрепятствовали.

Полихроній одѣлся въ одежды крестьянина и пошелъ на базаръ, желая разузнать о происходившемъ. Его тотчасъ же схватили греки и привели къ игемону. Тамъ его стали бить и допрашивать. Полихроній, увидѣвъ обнаженный мечь, поднятый надъ нимъ, испугался смерти и сказалъ, что Θеодотъ-корчемникъ извлекъ тѣла дѣвъ изъ озера и похоронилъ ихъ при церкви св. Патріарховъ. Нечестивые тотчасъ же вырыли изъ земли св. мощи и сожгли ихъ. Св. Θеодота стали искать. Друзья предупредили его о грозящей опасности. Его собирались въ тотъ же день замучить. Тогда-то понялъ св. Θеодотъ слова блаженной тетки своей Текусы отъ какого предателя онѣ его предостерегали. Заскорбѣлъ св. Θеодотъ, не потому, что боялся мученія, а горько было ему, что другъ его, родственникъ его, оказался предателемъ.

Теперь твердо рѣшилъ св. Θеодотъ отдать себя на муки за Господа. Онъ сказалъ друзьямъ своимъ: «Помолитесь за меня, чтобы Господь сподобилъ меня вѣнца мученическаго». Св. Θеодотъ и друзья его всю ночь провели на молитвѣ. Когда насталъ день святой вышелъ, чтобы отдать себя на мученіе. Христіане стали горько плакать, жалѣя святаго, горячо ими любимаго. Блаженный Θеодотъ ихъ ободрялъ, утѣшалъ. Онъ заповѣдалъ, если придетъ изъ деревни священникъ Фронтонъ и вручитъ его кольцо, — отдать ему его тѣло.

Помолясь, онъ перекрестилъ все свое тѣло и безстрашно вышелъ изъ дома.

По дорогѣ встрѣтили его два почтенныхъ знатныхъ гражданина — знакомые святого. И они стали его умолять, чтобы онъ не отдавалъ себя на муки. Они и повѣдали ему, что отъ Полихронія узнали, какъ Ѳеодотъ извлекъ изъ озера тѣла св. дѣвъ. Но безстрашный Ѳеодотъ, возлюбившій всею душею Спасителя, не боялся умереть за Него.

Онъ смѣло пошелъ въ судъ. Съ улыбкою взглянулъ онъ на страшныя орудія пытокъ, на разженную печь, на кипящіе котлы, на колеса. Не ужасался безстрашный Ѳеодотъ, мужественно было его сердце. «Мы не станемъ тебя мучить, если ты принесешь жертву богамъ», сказалъ святому свирѣпый начальникъ. «Ты будешь моимъ другомъ, и царь тебя полюбитъ. Только отрекись отъ Христа. Мы тебя сдѣлаемъ жрецомъ Апполона. Ты будешь очень богатымъ. Тебя будетъ знать весь городъ. Ты будешь знатнымъ и славнымъ.»

Не обращая вниманія на слова игемона, святой сталъ смѣло, громко проповѣдывать язычникамъ о Единомъ, Истинномъ Богѣ, о Сынѣ Божіемъ — Спасителѣ міра, о Его великихъ чудесахъ, какъ Онъ накормилъ въ пустынѣ пятью хлѣбами пять тысячъ человѣкъ, какъ ходилъ по морю словно по сушѣ, какъ слѣпымъ давалъ зрѣніе, воскрешалъ мертвецовъ. — «Таковъ былъ Божій Сынъ, пришедшій спасти людей, таковъ былъ Всесильный Богъ!» Такъ кончилъ речь свою блаженный.

Въ отвѣтъ ему, словно море подъ сильнымъ вѣтромъ, зашумѣлъ народъ, требуя у игемона смерти святому Ѳеодоту.

Радъ былъ игемонъ услышать жестокій приговоръ толпы. Онъ съ радостію началъ мучить безстрашнаго воина Христова. Онъ повелѣлъ воинамъ раздѣть святого, повѣсить его и строгать желѣзными когтями. Игемонъ въ ярости даже самъ всталъ со своего мѣста, чтобы собственными руками мучить св. Ѳеодота.

То тамъ, то здѣсь среди толпы раздавались неистовые клики.

Въ рукахъ воиновъ звенѣли орудія пытокъ. Народъ ревѣлъ словно буря. Одинъ мученикъ Христовъ былъ спокоенъ, тихъ, свѣтелъ, — даже веселъ. Его повѣсили, стругали жестоко, — а онъ улыбался, и лицо его свѣтилось, словно Божіе солнце, словно не его мучили.

Нѣсколько разъ смѣнялись слуги, мучившіе святого. Изнемогли они. А святой все терпѣлъ, укрѣпленный Господомъ. Игемонъ приказалъ полить крѣпкимъ уксусомъ съ солью глубокія раны Христова мученика, приказалъ опалять ему ребра. Св. мученикъ почувствовалъ смрадъ своего опаленнаго тѣла и невольно отвернулся. Начальникъ замѣтилъ движеніе его головы и съ злорадствомъ сказалъ ему: «А, не можешь больше терпѣть! Зачѣмъ не послушался меня, не поклонился богамъ? Тебѣ бы не пришлось

такъ страдать.» «Нѣтъ, не думай, о игемонъ, что ты побѣдилъ меня муками, если замѣтилъ, что я отвернулся отъ смрада» — отвѣтилъ святой. «Повели слугамъ твоимъ еще сильнѣй меня мучить. Они лѣниво исполняютъ твои приказанія. Придумай еще болѣе страшныя муки, и ты узнаешь всю силу укрѣпляющаго меня Господа.»

Услышавъ послѣднія слова мученика, какъ дикій звѣрь заревѣлъ игемонъ. Онъ повелѣлъ бить камнемъ въ уста безстрашнаго святаго мученика, раздробить ему челюсти, выбить зубы.

Св. Ѳеодотъ и въ этихъ мукахъ не ослабѣлъ духомъ и сказалъ: «Если ты мнѣ и языкъ отрѣжешь, я и въ молчаніи буду прославлять Господа и въ молчаніи Онъ услышитъ меня.»

Изнемогли слуги, мучившіе блаженнаго. Наконецъ, игемонъ повелѣлъ истерзаннаго, израненаго Христова страдальца вести черезъ весь городъ въ темницу. Множество народа окружало св. мученика, когда его вели по городу. Онъ говорилъ, «Смотрите, какъ силенъ Христосъ Господь мой. Вы видите мои страшныя раны, а я терплю, укрѣпляемый Богомъ моимъ. Вѣдь Господь за каждаго изъ насъ пострадалъ, и я съ радостью переношу за Него страданія». До самой тюрьмы все проповѣдывалъ язычникамъ блаженный. Народъ тѣснился вокругъ него.

Черезъ шестнадцать дней игемонъ снова вывелъ на муки угодника Божія. Въ этотъ разъ его мучили такъ жестоко, что его тѣло превратилось въ сплошную язву. Только оставался цѣлымъ языкъ, славившій и благодарившій Бога.

Игемонъ повелѣлъ отсѣчь святому главу.

Святой помолился. Въ утѣшеніе христіанамъ, которые горько о немъ плакали, онъ сказалъ:

«Не печальтесь! Прославляйте Господа, Который мнѣ помогъ перенести такія лютыя муки. Я буду на небѣ за васъ молиться Богу.» Съ послѣдними словами святой преклонилъ голову подъ мечъ.

Слуги по повелѣнію игемона положили на его св. мощи хворостъ и дрова, чтобы сжечь тѣло блаженнаго. Внезапно по волѣ Божіей налетѣла сильная буря. Вокругъ тѣла св. мученика появился яркій, словно молнія, свѣтъ. Никто не смѣлъ зажечь дрова, лежавшія на мощахъ. Игемонъ, узнавъ о происшедшемъ чудѣ, приказалъ поставить стражу къ тѣлу св. мученика, чтобы христіане ночью не взяли его. Воины сдѣлали себѣ шалашъ изъ вербы и сѣли въ него, чтобы стеречь св. Ѳеодота.

Было поздно, когда, по Божіей волѣ, священникъ Фронтонъ проѣзжалъ изъ деревни въ городъ, везя на ослѣ старое, хорошее вино, которое онъ собирался продать въ городѣ. У священника былъ виноградникъ и доходами отъ него онъ кормилъ свою семью.

Фронтонъ еще не зналъ о мученической кончинѣ св. Ѳеодота. И пришлось священнику проѣзжать мимо воиновъ, которые стерегли тѣло блаженнаго. По волѣ Божіей недалеко отъ шалаша, который сдѣлали воины, споткнулся оселъ священника и упалъ. Воины прибѣжали помочь Фронтону поднять осла. Они спросили священника: «Куда ты, странникъ, идешь такою позднею порою? Сверни съ дороги къ намъ, отдохни съ нами: здѣсь хорошее пастбище для скота». Пресвитеръ согласился. Возлѣ шалаша лежали святыя мощи, прикрытыя хворостомъ и сѣномъ. Тутъ же горѣлъ костеръ и былъ приготовленъ ужинъ. Воины позвали гостя поѣсть съ ними. Священникъ взялъ у нихъ чашу, наполнилъ своимъ виномъ и предложилъ отвѣдать.

«Хорошее вино!» похвалили воины. «Сколько ему лѣтъ?» спросили они. «Пять лѣтъ», отвѣтилъ священникъ.

Воины стали пить вино, не подозрѣвая, что ихъ угощаетъ христіанинъ. Они стали ему разсказывать о послѣднихъ событіяхъ — какъ были потоплены въ озерѣ семь христіанскихъ дѣвъ, какъ ихъ родственникъ, корчемникъ Ѳеодотъ, ночью взялъ ихъ тѣла изъ озера, какъ послѣ предался на страданія, какъ мужественно терпѣлъ муки. «Точно былъ мѣдный или желѣзный. А вотъ здѣсь подъ хворостомъ лежитъ его обезглавленное тѣло.» Такъ кончили воины свой разсказъ.

Священникъ Фронтонъ возблагодарилъ Господа за то, что узналъ подробно о мученической кончинѣ блаженнаго Ѳеодота. и тутъ же рѣшилъ тайно взять святыя мощи.

Онъ сталъ усердно угощать воиновъ своимъ крѣпкимъ, старымъ виномъ. Они, опьянѣвъ, заснули. Священникъ тихо открылъ мощи, со слезами приложился къ нимъ, затѣмъ снялъ перстень со своей руки, надѣлъ его на палецъ св. мученика и сказалъ: «О, св. мученикъ Христовъ, исполни то, что ты мнѣ обѣщалъ». Затѣмъ онъ возложилъ на осла св. мощи, крѣпко привязалъ ихъ и пустилъ животное на свободу. Оселъ самъ направился по направленію къ деревнѣ, гдѣ жилъ священникъ Фронтонъ. Божій служитель закрылъ хворостомъ и сѣномъ мѣсто гдѣ лежало тѣло святого, а самъ вернулся въ шалашъ и уснулъ. Проснувшись, онъ сдѣлалъ видъ, что горюетъ о пропавшемъ ослѣ; «Убѣжалъ мой оселъ! Навѣрное, его кто нибудь ночью укралъ». Воины его жалѣли, не подозрѣвая, что подъ хворостомъ уже нѣтъ св. мощей. Божій служитель оставилъ у нихъ вино, а самъ пошелъ искать своего осла, чтобы больше не вернуться.

Ангелъ Божій привелъ животное на то красивое мѣсто гдѣ недавно св. Ѳеодотъ угощалъ священника обѣдомъ и совѣтовалъ ему выстроить храмъ и ждать мощей. Оселъ смирно стоялъ и покорно ждалъ своего господина. Блаженный священникъ снялъ

съ животнаго мощи. Он созвалъ братьевъ-христіанъ, и торжественно похоронилъ св. тѣло. Черезъ нѣкоторое время выстроилъ онъ на этомъ мѣстѣ церковь во имя св. мученика Ѳеодота, во славу же Христа Бога нашего, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, честь и благодареніе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Я, смиренный Нилъ, (такъ разсказываетъ написавшій житіе этого великаго святого) зналъ самъ блаженнаго Ѳеодота, вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ въ темницѣ. Съ вѣрою читайте его житіе, слушайте съ любовію, да сподобитесь и вы быть на небесахъ со святымъ славнымъ мученикомъ — Ѳеодотомъ и со всѣми святыми, пострадавшими за Христа Бога нашего, Ему же слава и держава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки, аминь.

Житіе преп. матери нашей Евфросиніи, игуменіи обители «Святаго Спаса въ Полоцкѣ».

23 мая.

На Святой Руси, въ городѣ Полоцкѣ жилъ князь Всеславъ. У князя былъ сынъ Георгій. Княжескому сыну Господь послалъ блаженную, святую дочь — Евфросинію. До крещенія ее звали Предислава.

Прекрасна была лицомъ блаженная. Съ дѣтства любила она учить священное писаніе. Особенно отрадно, радостно было святой отроковицѣ посѣщать храмы Божіи. Ея чистая прекрасная душа стремилась къ Господу. Съ каждымъ днемъ все больше и больше любила она Творца своего. Когда ей еще было только двѣнадцать лѣтъ, многіе знатные князья просили Георгія, чтобы онъ обручилъ отроковицу съ однимъ изъ ихъ сыновей. Но тихая, свѣтлая отроковица и слышать не хотѣла сдѣлаться невѣстой смертнаго человѣка; ея сердце принадлежало Жениху Безсмертному Христу — Сыну Божію, о которомъ она думала день и ночь. Георгій все же хотѣлъ, чтобы дочь его обручилась съ однимъ красивымъ юношемъ, княжескимъ сыномъ. Блаженная, узнавъ о намѣреніи отца убѣжала въ дѣвичій монастырь къ преподобной игуменіи Романѣ и стала просить, чтобы ее постригли. Игуменія увидѣвъ, какъ молода и прекрасна была княжна, не соглашалась. Къ тому же, она боялась, какъ бы не прогнѣвался на нее князь Георгій, если она пострижетъ его дочь. Но святая княжна

такъ усердно просила, что Романа, наконецъ, согласилась, понявъ, какъ горячо возлюбила дѣвица Христа. Она исполнила желаніе блаженной. Постригла ее и дала ей въ монашествѣ имя — Евфросинія.

Когда родителя святой княжны узнали, что дочь ихъ въ монастырѣ и уже пострижена, они очень опечалились и поспѣшили въ монастырь. Увидѣвъ дочь въ монашескомъ одѣяніи, стали горько плакать. Блаженная стала ихъ утѣшать, говоря, что они должны радоваться, видя дочь свою обрученную Царю Небесному.

Стала жить святая Евфросинія въ монастырѣ, постяся и моляся и трудяся. И смиренно покорялася она всѣмъ.

Черезъ нѣкоторое же время стала она просить епископа Полоцкаго Илію, чтобы онъ разрѣшилъ ей жить при церкви святой Софіи въ отдѣльной келліи. Епископъ, видя, что она живетъ какъ ангелъ и любитъ Господа, какъ Серафимъ Небесный. исполнилъ съ радостью ея просьбу. И стала святая отроковица жить, какъ Пречистая Дѣва Марія, при храмѣ Божіимъ. День и ночь славословила она Господа. Она переписывала священныя книги, отдавала ихъ на продажу, а деньги жертвовала на нищую братію.

Однажды ночью къ ней явился ангелъ. Онъ вывелъ ее изъ города и привелъ въ мѣстечко, называемое «Сельце». Здѣсь онъ ввелъ ее въ маленькую, деревянную церковь и сказалъ ей:

«Господь хочетъ, чтобы ты жила здѣсь. Черезъ тебя Господь здѣсь приведетъ ко спасенію многихъ людей.

Еще два раза явился св. Евфросиніи Ангелъ Божій. Удивлялася святая и благодарила Господа, сподобившаго ее увидѣть Своего Ангела. И епископу Полоцкому явился ангелъ и сказалъ: «Посели рабу Божію Евфросинію въ Сельцѣ въ церкви Спасителя; пусть тамъ будетъ дѣвичій монастырь. Молитва св. Евфросиніи, какъ благоуханное мѵро, восходитъ къ Богу, и, какъ вѣнецъ на главѣ царской, почиваетъ на ней Духъ Святой. Какъ сіяетъ солнце по всей вселенной — такъ просіяла жизнь ея предъ ангелами Божіими».

Епископъ поспѣшилъ къ преподобной Евфросиніи и объявилъ ей Божію волю.

Святая разсказала ему и явленіе ей ангела. Радостно поблагодарили они Господа. Въ скоромъ времеи въ Сельцѣ образовался монастырь дѣвичій при церкви Спаса Христа.

И стала св. Евфросинія многимъ дѣвамъ премудрой наставницей.

Св. Евфросинія попросила отца своего, чтобы онъ отпустилъ къ ней ея младшую сестру Градиславу, чтобы научить ее священному писанію. Князь Георгій исполнилъ просьбу своей дочери.

Евфросинія научила читать младшую сестру. Та полюбила монашескую жизнь, святая уневѣстила ее Христу. Въ монашествѣ она получили имя Евдокіи.

Однажды князь Георгій послалъ въ монастырь за своею младшей дочерью. Св. Евфросинія отвѣтила посланнымъ: «Пусть еще побудетъ со мною сестра моя, еще не вполнѣ выучилась она писать.»

Вскорѣ отецъ съ матерью узнали о постриженіи младшей дочери и очень опечалились. Они пріѣхали къ Евфросиніи и стали съ гнѣвомъ и скорбію кричать на свою дочь: «Что ты сдѣлала съ нами, дитя наше! Ты приложила намъ одну печаль къ другой. Ты насъ оставила, а теперь и второе дитя наше любимое отняла отъ насъ. Для того-ли мы васъ родили, для того-ли воспитали, чтобы вы прежде смерти, точно мертвыя во гробѣ, въ черныхъ одѣяніяхъ затворились въ монастырѣ и лишили насъ всякой радости.» Святая утѣшала родителей словами святого писанія и тѣмъ облегчила ихъ страданія.

Пришла къ преп. Евфросиніи еще одна родственница — дочь ея дяди, Звенислава. Она принесла всѣ драгоцѣнныя одежды свои, приготовленныя для свадьбы, и сказала блаженной: «Госпожа и сестра моя, эти украшенія брачныя я отдаю въ церковь Христа Спасителя, а сама хочу духовнымъ бракомъ соединиться съ Нимъ». Преподобная Евфросинія очень обрадовалась. Тотчасъ же пострижена была Звенислава и названа Евпраксіей.

Съ каждымъ демъ въ обители становилось все больше и больше сестеръ. Монастырь разростался. Святая задумала сдѣлать каменную церковь во имя Христа Спасителя. Господь ей помогъ, и она создала прекрасный храмъ около 1160 года. Строилъ домъ Божій искусный въ этомъ дѣлѣ мастеръ по имени Іоаннъ. Много разъ онъ слышалъ таинственный, непостижимый голосъ, передъ восходомъ солнца: «Іоаннъ, вставай, иди на постройку Храма Вседержителя.»

Онъ удивлялся и не понималъ, кто его будитъ. Мастеръ, наконецъ, спросилъ у преподобной Евфросиніи: «Госпожа, ты ли присылаешь ко мнѣ рано утромъ кого-то, торопя на дѣло».

Святая игуменія поняла, что это былъ не человѣческій, а Божественный голосъ. Она отвѣтила: «Хотя это и не я тебя пробуждаю и тороплю на дѣло, но ты слушайся этого голоса и торопись строить храмъ, т. к. это дѣло Божіе.» Церковь уже почти была готова — не хватало кирпичей для окончанія постройки. Святая помолилась, и Господь совершилъ чудо. На слѣдующее утро нашли цѣлую печь обожженныхъ крѣпкихъ кирпичей, сдѣланныхъ невидимою рукою. Возрадовалась преподобная, и всѣ прославили Господа. Такъ церковь была достроена.

Захотѣла однажды преподобная Евфросинія имѣть у себя въ

обители одну изъ иконъ Пресвятой Богородицы, написанныхъ рукою Евангелиста Луки. Она слышала, что есть три такихъ драгоцѣнныхъ иконъ. Одна — въ Іерусалимѣ, другая въ Царьградѣ, а третья въ Ефесѣ. Со слезами помолилась преподобная и послала монастырскаго слугу Михаила въ Церьградъ къ благочестивому царю Мануилу и къ святѣйшему патріарху Лукѣ съ дарами и съ просьбою пожертвовать одну изъ трехъ иконъ Пречистой Божіей Матери.

Царь и патріархъ поняли, какую великую любовь имѣетъ св. Евфросинія къ Господу и Божіей Матери. Не отказали они ей въ просьбѣ, и вотъ привезена была изъ Ефеса въ Царьградъ прекрасная икона Богоматери. Съ нею дано было слугѣ письмо, въ которомъ хвалили св. игуменію за ея любовь къ Господу, и патріаршее благословеніе. Неизреченно радовалась святая, получивъ давно ожидаемую икону, возблагодарила Господа и Его Пречистую Мать. Она украсила икону золотомъ, драгоцѣнными камнями и поставила ее въ своей обители, въ церкви Святаго Спаса.

Послѣ смерти родителей св. Евфросинія задумала поѣхать въ городъ Іерусалимъ, чтобы поклониться гробу Господню и прожить на святой землѣ до самой смерти. При мысли о разлукѣ со святою, глубоко скорбѣли сестры ея обители, родственники и люди Божіи, ее почитавшіе.

Она утѣшала ихъ, какъ дѣтей своихъ. Пріѣхалъ къ ней и любимый братъ ея Вячеславъ съ княгиней и дѣтьми. Плача, онъ говорилъ: «Зачѣмъ ты покидаешь насъ, свѣтъ очей нашихъ».

«Я не оставляю васъ, но хочу на святыхъ мѣстахъ помолиться о себѣ и о васъ,» — отвѣтствовала святая.

Преподобная попросила двухъ дочерей Вячеслава Киринію и Ольгу оставить на попеченіи сестры ея Евдокіи. Открыто ей было, что эти юныя отроковицы смогутъ послужить Господу. Когда братъ ушелъ она сказала имъ: «Я хочу васъ обручить безсмертному Жениху и ввести въ Его Царскій Чертогъ». Юныя отроковицы припали къ ногамъ святой и отвѣтили: «Да будетъ надъ нами воля Божія».

Черезъ нѣсколько дней позвала святая брата своего и сказала: «Я хочу чтобы пострижены были твои дочери: да будутъ онѣ невѣсты Христовы».

Смутился князь и сказалъ: «О, госпожа, мать моя, что ты задумала со мною сдѣлать. Ты мнѣ хочешь причинить два горя. Я буду плакать о тебѣ, т. к. ты покидаешь меня, и о дѣтяхъ моихъ, которыхъ я долженъ лишиться.»

Княгиня же,, мать отроковицъ, тоже горько плакала и рыдала. Но все же не смѣла она противиться воли св. Евфросиніи. Киринія полчила новое имя — Агафіи, а Ольга Евфиміи.

Святая поручила обитель сестрѣ своей Евдокіи и стала собираться въ далекій путь. Народъ провожалъ святую заливаясь горькими слезами. Она взяла съ собою своего брата Давида и родственницу Евпраксію и поѣхала прежде всего въ Константинополь, гдѣ ее съ честію приняли царь и патріархъ. Она поклонилась въ Царьградѣ многимъ святынямъ, приложилась къ многимъ св. мощамъ и поѣхала дальше въ Іерусалимъ. Достигнувъ св. города, прежде всего она поклонилась Живоносному Гробу Господню. Она поставила на гробъ золотое кадило, дала многіе дары Іерусалимскому патріарху и церкви. Преподобная обошла всѣ святыя мѣста и съ великимъ умиленіемъ имъ поклонилася. Она жила въ монастырѣ, называемомъ Русскимъ, при церкви Пресвятой Богородицы.

Однажды горячо помолилась она у Гроба Господня, чтобы сподобилъ ее Богъ умереть на Святой Землѣ.

Вернувшись въ монастырь, гдѣ жила преподобная, она сразу заболѣла и стала прославлять Господа, такъ скоро исполнившаго ея желаніе.

Она послала брата своего Давида и Евпраксію, чтобы они принесли ей изъ Іордана воды. Блаженная съ радостью и благодарностью выпила Іорданской воды, потомъ полила водою все свое тѣло и легла на одръ свой.

Къ ней явился ангелъ и возвѣстилъ о скорой, блаженной ея кончинѣ, о томъ великомъ покоѣ, который ожидаетъ ее въ небесномъ царствіи. Возвеселилась душою святая Евфросинія. Преподобная заранѣе позаботилась найти мѣсто для своего погребенія — на паперти церкви монастыря св. Ѳеодосія, въ честь Пресвятой Богородицы. Двадцать четыре дня проболѣла святая. Передъ кончиною причастилась и тихо, блаженно предала свою прекрасную душу въ руки Божіи 23-го мая 1173 г.

Давидъ, братъ ея, и Евпраксія вернулись въ Полоцкъ съ вѣстью о блаженной кончинѣ преподобной Евфросиніи. Всѣ горько плакали о великой святой и рѣшили совершать память ея, прославляя Бога Отца и Сына и Святаго Духа, прославляемаго всѣми твореніями нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

М. В.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

ОТДѢЛЪ II. О ПРЕЛЕСТИ.

Ученикъ. Не случалось ли тебѣ видѣть кого либо пришедшаго въ бѣсовскую прелесть отъ развитія мечтательности при упражненіи молитвою?

Старецъ. Случалось. Нѣкоторый чиновникъ, жившій въ Петербургѣ, занимался усиленнымъ молитвеннымъ подвигомъ, и пришелъ отъ него въ необычайное состояніе. О подвигѣ своемъ и о послѣдствіяхъ его онъ открывалъ тогдашнему протоіерею церкви Покрова Божіей Матери, что въ Коломнѣ. Протоіерей, посѣтивъ нѣкоторый монастырь Санкт-Петербургской епархіи, просилъ одного изъ монашествующихъ того монастыря побесѣдовать съ чиновникомъ. «Странное положеніе, въ которое чиновникъ пришелъ отъ подвига» — говорилъ справедливо протоіерей — «удобнѣе можетъ быть объяснено жителями монастыря, какъ болѣе знакомыми съ подробностями и случайностями аскетическаго подвига». Монахъ согласился. Чрезъ нѣсколько времени чиновникъ прибылъ въ монастырь. При бесѣдѣ его съ монахомъ присутствовалъ и я. Чиновникъ началъ тотчасъ разсказывать о своихъ видѣніяхъ, — что онъ постоянно видитъ при молитвѣ свѣтъ отъ иконъ, слышитъ благоуханіе, чувствуетъ во рту необыкновенную сладость, и такъ далѣе. Монахъ, выслушавъ этотъ разсказъ, спросилъ чиновника: «Не приходила ли вамъ мысль убить себя?» — «Какъ же!» — отвѣчалъ чиновникъ: «я уже было кинулся въ Фонтанку, да меня вытащили». Оказалось, что чиновникъ употреблялъ образъ молитвы, описанный святымъ Симеономъ, разгорячилъ воображеніе и кровь, при чемъ человѣкъ дѣлается очень способнымъ къ усиленному посту и бдѣнію. Къ состоянію самообольщенія, избранному произвольно, діаволъ присоединилъ свое, сродное этому состоянію дѣйствіе, — и человѣческое самообольщеніе перешло въ явную бѣсовскую прелесть. Чиновникъ видѣлъ свѣтъ тѣлесными очами: благоуханіе и сладость, которыя онъ ощущалъ, были также чувственныя. Въ противоположность этому, видѣнія Святыхъ и ихъ сверхъестественныя состоянія вполнѣ духовны (Св. Исаакъ Сирскій, Слово 55): подвижникъ содѣлывается способнымъ къ нимъ не прежде, какъ по отверзеніи очей души Божественною благодатію, при чемъ оживаютъ и прочія чувства души, дотолѣ пребывающія въ бездѣйствіи (Преп. Симеонъ, Новый Богословъ,

Слово о Вѣрѣ, Доброт., ч. 1); принимаютъ участіе въ благодатномъ видѣніи и тѣлесныя чувства Святыхъ, но тогда, когда тѣло перейдетъ изъ состоянія страстнаго въ состояніе безстрастное. Монахъ началъ уговаривать чиновника, чтобы онъ оставилъ употребляемый имъ способъ молитвы, объясняя и неправильность способа и неправильность состоянія, доставляемаго способомъ. Съ ожесточеніемъ воспротивился чиновникъ совѣту. «Какъ отказаться мнѣ отъ явной благодати!» — возражалъ онъ.

Вслушиваясь въ повѣданія чиновника о себѣ, я почувствовалъ къ нему неизъяснимую жалость, и вмѣстѣ представлялся онъ мнѣ какимъ то смѣшнымъ. Напримѣръ, онъ сдѣлалъ монаху слѣдующій вопросъ: «Когда отъ обильной сладости умножится у меня во рту слюна, то она начинаетъ капать на полъ: не грѣшно ли это?» Точно: находящіеся въ бѣсовской прелести возбуждаютъ къ себѣ сожалѣніе, какъ не принадлежащіе себѣ и находящіеся, по уму и сердцу, въ плѣну у лукаваго, отверженнаго духа. Представляютъ они собою и смѣшное зрѣлище: посмѣянію предаются они овладѣвшимъ ими лукавымъ духомъ, который привелъ ихъ въ состояніе унииженія, обольстивъ тщеславіемъ и высокоуміемъ. Ни плѣна своего, ни странности поведенія прельщенные не понимаютъ, сколько бы ни были очевидными этотъ плѣнъ, эта странность поведенія.

Зиму 1828-29 годовъ проводилъ я въ Площанской Пустыни (Орловской епархіи). Въ то время жилъ тамъ старецъ, находившійся въ прелести. Онъ отсѣкъ себѣ кисть руки, полагая исполнить этимъ евангельскую заповѣдь, и разсказывалъ всякому, кому угодно было выслушать его, что отсѣченная кисть руки содѣлалась святыми мощами, что она хранится и чествуется благолѣпно въ Московскомъ Симоновѣ монастырѣ, что онъ, старецъ, находясь въ Площанской Пустыни въ пятистахъ верстахъ отъ Симонова, чувствуетъ, когда Симоновскій архимандритъ съ братіею прикладываются къ рукѣ. Со старцемъ дѣлалось содроганіе, причемъ онъ начиналъ шипѣть очень громко; онъ признавалъ это явленіе плодомъ молитвы, но зрителямъ оно представлялось извращеніемъ себя, достойнымъ лишь сожалѣнія и смѣха. Дѣти, жившія въ монастырѣ по сиротству, забавлялись этимъ явленіемъ и копировали его передъ глазами старца. Старецъ приходилъ въ гнѣвъ, кидался то на одного, то на другого мальчика, трепалъ ихъ за волосы. Никто изъ почтенныхъ иноковъ обители не могъ увѣрить прельщеннаго, что онъ находится въ ложномъ состояніи, въ душевномъ разстройствѣ.

Когда чиновникъ ушелъ, я спросилъ монаха: «Съ чего пришло ему на мысль спросить чиновника о покушеніи на самоубійство?» Монахъ отвѣчалъ: «Какъ среди плача по Богу приходятъ минуты необыкновеннаго успокоенія совѣсти, въ чемъ заключается утѣшеніе плачущихъ; такъ и среди ложнаго наслажденія, доставляемаго бѣсовской прелестью, приходятъ минуты, въ которыя прелесть какъ

бы разоблачается, и даетъ вкусить себя такъ, какъ она есть. Эти минуты — ужасны! Горечь ихъ и производимое этой горечью отчаяніе — невыносимы. По этому состоянію, въ которое приводитъ прелесть, всего бы легче узнать ее прельщенному, и принять мѣры къ исцѣленію себя. Увы! начало прелести — гордость, и плодъ ея — преизобильная гордость. Прельщенный, признающій себя сосудомъ Божественной благодати, презираетъ спасительныя предостереженія ближнихъ, какъ это замѣтилъ святый Симеонъ. Между тѣмъ припадки отчаянія становятся сильнѣе и сильнѣе: наконецъ отчаяніе обращается въ умоизступленіе, и увѣнчивается самоубійствомъ. — Въ началѣ нынѣшняго столѣтія подвизался въ Софроніевой Пустыни (Курской епархіи) схимонахъ Ѳеодосій, привлекшій къ себѣ уваженіе и братства и мірянъ строгимъ, возвышеннымъ жительствомъ. Однажды представилось ему, что онъ былъ восхищенъ въ рай. По окончаніи видѣнія, онъ пошелъ къ настоятелю, повѣдалъ подробно о чудѣ, и присовокупилъ выраженіе сожалѣнія, что онъ видѣлъ въ раю только себя, не видѣлъ никого изъ братій. Эта черта ускользнула изъ вниманія у настоятеля: онъ созвалъ братію, въ сокрушеніи духа пересказалъ имъ о видѣніи схимонаха, и увѣщавалъ ихъ къ жизни, болѣе усердной и богоугодной. По прошествіи нѣкотораго времени начали обнаруживаться въ дѣйствіяхъ схимонаха странности. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ найденъ былъ удавившимся въ своей келліи».

Со мною былъ слѣдующій, достойный замѣчанія, случай. Посѣтилъ меня однажды Аѳонскій іеросхимонахъ, бывшій въ Россіи за сборомъ. Мы сѣли въ моей пріемной келліи, и онъ сталъ говорить мнѣ: «Помолись о мнѣ, отецъ: я много сплю, много ѣмъ». Когда онъ говорилъ мнѣ это, я ощутилъ жаръ, изъ него исходившій, почему и отвѣчалъ ему: «Ты не много ѣшь, и не много спишь; но нѣтъ ли въ тебѣ чего особеннаго?» — и просилъ его войти во внутреннюю мою келлію. Идя предъ нимъ, и отворяя дверь во внутреннюю келлію, я молилъ мысленно Бога, чтобы Онъ даровалъ гладной душѣ моей попользоваться отъ Аѳонскаго іеросхимонаха, если онъ — истинный рабъ Божій. Точно: я замѣтилъ въ немъ что то особенное. Во внутренней келліи мы опять усѣлись для бесѣды, — и я началъ просить его: «Сдѣлай милость, научи меня молитвѣ. Ты живешь въ первомъ монашескомъ мѣстѣ на землѣ, среди тысячъ монаховъ: въ такомъ мѣстѣ и въ такомъ многочисленномъ собраніи монаховъ непремѣнно должны находиться великіе молитвенники, знающіе молитвенное тайнодѣйствіе и преподающіе его ближнимъ, по примѣру Григоріевъ Синаита и Паламы, по примѣру многихъ другихъ Аѳонскихъ свѣтильниковъ». Іеросхимонахъ немедленно согласился быть моимъ наставникомъ, — и, о ужасъ! съ величайшимъ разгорячеціемъ сталъ передавать мнѣ вышеприведенный способъ востор-

женной, мечтательной молитвы. Вижу: онъ — въ страшномъ разгорячении! у него разгорячены и кровь и воображеніе! онъ — въ самодовольствѣ, въ восторгѣ отъ себя, въ самообольщеніи, въ прелести! Давъ ему высказаться, я началъ понемногу, въ чинѣ наставляемаго, предлагать ему ученіе святыхъ Отцовъ о молитвѣ, указывая его въ Добротолюбіи и прося объяснить мнѣ это ученіе. Аѳонецъ пришелъ въ совершенное недоумѣніе. Вижу: онъ вполнѣ незнакомъ съ ученіемъ Отцовъ о молитвѣ! При продолженіи бесѣды говорю ему: «смотри, старецъ! будешь жить въ Петербургѣ, — никакъ не квартируй въ верхнемъ этажѣ; квартируй непремѣнно въ нижнемъ». «Отчего такъ?» — возразилъ Аѳонецъ. «Оттого, отвѣчалъ я, что если вздумается ангеламъ, внезапно восхитивъ тебя, перенести изъ Петербурга на Аѳонъ, и они понесутъ изъ верхняго этажа, да уронятъ, то убьешься до смерти: если же понесутъ изъ нижняго, и уронятъ, то только ушибешься». «Представь себѣ» — отвѣчалъ Аѳонецъ — «сколько уже разъ, когда я стоялъ на молитвѣ, приходила мнѣ живая мысль, что ангелы восхитятъ меня, и поставятъ на Аѳонѣ!» Оказалось, что іеросхимонахъ носитъ вериги, почти не спитъ, мало вкушаетъ пищи, чувствуетъ въ тѣлѣ такой жаръ, что зимою не нуждается въ теплой одеждѣ. Къ концу бесѣды пришло мнѣ на мысль поступить слѣдующимъ образомъ: я сталъ просить Аѳонца, чтобы онъ, какъ постникъ и подвижникъ, испыталъ надъ собою способъ, преподанный святыми Отцами, состоящій въ томъ, чтобы умъ во время молитвы былъ совершенно чуждъ всякаго мечтанія, погружался весь во вниманіе словамъ молитвы, заключался и вмѣщался, по выраженію святого Іоанна Лѣствичника, въ словахъ молитвы (Лѣствица, Слово 28, гл. 17). При этомъ, сердце обыкновенно содѣйствуетъ уму душеспасительнымъ чувствомъ печали о грѣхахъ, какъ сказалъ преподобный Маркъ Подвижникъ: «Умъ, неразвлеченно молящійся, утѣсняетъ сердце: **сердце же сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ**» (Псал. 50, 19. Слово о мнящихся отъ дѣлъ оправдитися, гл. 34, Доброт. ч. 1). «Когда ты испытаешь надъ собою» — сказалъ я Аѳонцу: «то сообщи и мнѣ о плодѣ опыта; для меня самого такой опытъ неудобенъ по развлеченной жизни, проводимой мною». Аѳонецъ охотно согласился на мое предложеніе. Черезъ нѣсколько дней приходитъ онъ ко мнѣ, и говоритъ: «Что ты сдѣлалъ со мною?» «А что?» «Да какъ я попробовалъ помолиться со вниманіемъ, заключая умъ въ слова молитвы: то всѣ мои видѣнія пропали, и уже не могу возвратиться къ нимъ». Далѣе въ бесѣдѣ съ Аѳонцемъ я не видѣлъ той самонадѣянности и той дерзости, которыя были очень замѣтны въ немъ при первомъ свиданіи и которыя обыкновенно замѣчаются въ людяхъ, находящихся въ самообольщеніи, мнящихъ о себѣ, что они святы, или находятся въ духовномъ преуспѣяніи. Аѳо-

нецъ изъявилъ даже желаніе услышать для себя мой убогій совѣтъ. Когда я посовѣтовалъ ему не отличаться по наружному образу жизни отъ прочихъ иноковъ, потому что такое отличіе ведетъ къ высокоумію *): то онъ снялъ съ себя вериги, и отдалъ ихъ мнѣ. Черезъ мѣсяцъ онъ опять былъ у меня, и сказывалъ, что жаръ въ тѣлѣ его прекратился, что онъ нуждается въ теплой одеждѣ, и спитъ гораздо болѣе. При этомъ онъ говорилъ, что на Аѳонской горѣ многіе, и изъ пользующихся славою святости, употребляютъ тотъ способъ молитвы, который былъ употребляемъ имъ, — научаютъ ему и другихъ. Не мудрено! Святой Симеонъ, Новый Богословъ, жившій за восемь столѣтій до нашего времени, говоритъ, что внимательною молитвою занимаются очень немногіе (О третьемъ образѣ молитвы. Доброт., ч. 1). Преподобный Григорій Синаитъ, жившій въ 14 вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, когда прибылъ на Аѳонскую гору, то нашелъ, что многочисленное монашество ея не имѣетъ никакого понятія о умной молитвѣ, а занимается лишь тѣлесными подвигами, совершая молитвы лишь устно и гласно (Житіе преп. Григорія Синаита, Доброт., ч. 1). Преподобный Нилъ Сорскій, жившій въ концѣ 15 и началѣ 16 вѣка, посѣтившій также Аѳонскую гору, говоритъ, что въ его время число внимательныхъ молитвенниковъ оскудѣло до крайности (Предисловіе къ Преданію или Уставу Скитскому). Старецъ, архимандритъ Паисій Величковскій перемѣстился на Аѳонскую гору изъ Молдавіи въ 1747 году. Онъ ознакомился коротко со всѣми монастырями и скитами, бесѣдовалъ со многими старцами, которыхъ признавало общее мнѣніе Святой Горы опытнѣйшими и святыми иноками. Когда же онъ началъ вопрошать этихъ иноковъ о книгахъ святыхъ Отцовъ, написавшихъ объ умной молитвѣ, — оказалось, что они не только не знали о существованіи такихъ писаній, но даже не знали именъ святыхъ писателей; тогда Добротолюбіе еще не было напечатано на греческомъ языкѣ **). Внимательная молитва требуетъ самоотверженія, а на самоотверженіе рѣшаются рѣдкіе. Заключенный въ себя вниманіемъ, находящійся въ состояніи недоумѣнія отъ зрѣнія своей грѣховности, неспособный къ многословію и вообще къ эффекту и актерству, представляется для незнающихъ таинственнаго подвига его какимъ то страннымъ, загадочнымъ, недостаточнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Легко ли разстаться съ мнѣніемъ міра! И міру — какъ познать подвижника истинной молитвы, когда самый подвигъ вовсе неизвѣстенъ міру? То ли дѣло — находящійся въ самообольщеніи! Не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ, зимою ходитъ въ

---

*) Лѣствица, Слово 4, гл. 82, 83. Преп. Варсонофій Великій, отвѣтъ 275. Житіе и наставленія преп. Аполлоса, Патерикъ Алфавитный.

**) Отрывокъ письма старца Паисія къ старцу Ѳеодосію. Писанія Паисія, изданіе Оптиной Пустыни.

одной рясѣ, носитъ вериги, видитъ видѣнія, всѣхъ учитъ и обличаетъ съ дерзкою наглостью, безъ всякой правильности, безъ толку и смысла, съ кровянымъ, вещественнымъ, страстнымъ разгоряченіемъ, и по причинѣ этого горестнаго, гибельнаго разгоряченія. Святой, да и только! Издавна замѣчены вкусъ и влеченіе къ такимъ въ обществѣ человѣческомъ: «**пріемлете**, пишетъ Апостолъ Павелъ къ Коринѳянамъ, **аще кто васъ порабощаетъ, аще кто поядаетъ, аще кто не въ лѣпоту проторитъ, аще кто по лицу біетъ вы, аще кто величается**» (2 Кор. 11, 20). Далѣе святой Апостолъ говоритъ, что онъ, бывши въ Коринѳѣ, не могъ вести себя дерзко и нагло: поведеніе его было запечатлѣно скромностью, **кротостію и тихостію Христовою** (2 Кор. 10, 1). Большая часть подвижниковъ Западной Церкви, провозглашаемыхъ ею за величайшихъ святыхъ — по отпаденіи ея отъ Восточной Церкви и по отступленіи Святаго Духа отъ нея — молились и достигали видѣній, разумѣется, ложныхъ, упомянутымъ мною способомъ. Эти мнимые святые были въ ужаснѣйшей бѣсовской прелести. Прелесть уже естественно воздвигается на основаніи богохульства, которымъ у еретиковъ извращена догматическая вѣра. Поведеніе подвижниковъ латинства, объятыхъ прелестью, было всегда изступленное, по приинѣ необыкновеннаго вещественнаго, страстнаго разгоряченія. Въ такомъ состояніи находился Игнатій Лойола, учредитель іезуитскаго ордена. У него воображеніе было такъ разгорячено и изощрено, что какъ онъ самъ утверждалъ, ему стоило только захотѣть и употребить нѣкоторое напряженіе, какъ являлись передъ его взорами, по его желанію, адъ или рай. Явленіе ада или рая свершалось не однимъ дѣйствіемъ воображенія человѣческаго; одно дѣйствіе воображенія человѣческаго недостаточно для этого: явленіе совершалось дѣйствіемъ демоновъ, присоединявшихъ свое обильное дѣйствіе къ недостаточному дѣйствію человѣческому, совокуплявшихъ дѣйствіе съ дѣйствіемъ, пополнявшихъ дѣйствіе дѣйствіемъ, на основаніи свободнаго произволенія человѣческаго, избравшаго и усвоившаго себѣ ложное направленіе. Извѣстно, что истиннымъ святымъ Божіимъ видѣнія даруются единственно по благоволенію Божію и дѣйствіемъ Божіимъ, а не по волѣ человѣка и не по его собственному усилію, — даруются неожиданно, весьма рѣдко, при случаяхъ особенной нужды, по дивному смотрѣнію Божію, а не какъ бы случилось (Св. Исаакъ Сирскій, Слово 36). Усиленный подвигъ находящихся въ прелести обыкновенно стоитъ рядомъ съ глубокимъ развратомъ. Развратъ служитъ оцѣнкою того пламени, которымъ разжены прельщенные. Подтверждается это и сказаніями исторіи и свидѣтельствомъ Отцовъ. «Видящій духа прелести» — въ явленіяхъ представляемыхъ имъ, сказалъ преп. Максимъ Капсокаливитъ — «очень часто подвергается ярости и гнѣву; благовоніе смиренія или молитвы, или

слезы истинной не имѣетъ въ немъ мѣста. Напротивъ того, онъ постоянно хвалится своими добродѣтелями, тщеславствуетъ, и предается всегда лукавымъ страстямъ безстрашно» (Собесѣдованіе преп. Максима съ преп. Григоріемъ Синаитомъ).

Ученикъ. Неправильность этого способа молитвы и связь его съ самообольщеніемъ и прелестью — ясны; предостереги меня и отъ прочихъ видовъ неправильной молитвы и сопряженнаго съ ними ложнаго состоянія.

Старецъ. Какъ неправильное дѣйствіе умомъ вводитъ въ самообольщеніе и прелесть: такъ точно вводитъ въ нихъ неправильное дѣйствіе сердцемъ. Исполнены безразсудной гордости желаніе и стремленіе видѣть духовныя видѣнія умомъ, не очищеннымъ отъ страстей, не обновленнымъ и не возсозданнымъ десницею Святаго Духа: исполнены такой же гордости и безразсудства желаніе и стремленіе сердца насладиться ощущеніями святыми, духовными, Божественными, когда оно еще вовсе неспособно для такихъ наслажденій. Какъ умъ нечистый, желая видѣть Божественныя видѣнія и не имѣя возможности видѣть ихъ, сочиняетъ для себя видѣнія изъ себя, ими обманываетъ себя и прельщаетъ: такъ и сердце, усиливаясь вкусить Божественную сладость и другія Божественныя ощущенія, и не находя ихъ въ себѣ, обольщаетъ, обманываетъ, губитъ себя, входя въ область лжи, въ общеніе съ бѣсами, подчиняясь ихъ вліянію, порабощаясь ихъ власти.

Одно ощущеніе изъ всѣхъ ощущеній сердца, въ его состояніи паденія, можетъ быть употреблено въ невидимомъ Богослуженіи: печаль о грѣхахъ, о грѣховности, о паденіи, о погибели своей, называемая плачемъ, покаяніемъ, сокрушеніемъ духа. Это засвидѣтельствовано Священнымъ Писаніемъ. «Аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ убо, всесожженія не благоволиши»: и каждое сердечное ощущеніе порознь, и всѣ они вмѣстѣ не благоугодны Тебѣ, какъ оскверненныя грѣхомъ, какъ извращенныя паденіемъ. «Жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ» (Псал. 50, 18-19). Эта жертва — жертва отрицательная; съ принесеніемъ этой жертвы естественно устраняется принесеніе прочихъ жертвъ: при ощущеніи покаянія умолкаютъ всѣ другія ощущенія. Для того, чтобы жертвы прочихъ ощущеній содѣлались благоугодными Богу, нужно предварительно излиться благоволенію Божію на нашъ Сіонъ, нужно предварительно возстановиться стѣнамъ нашего разрушеннаго Іерусалима. Господь — праведенъ, всесвятъ: только праведныя, чистыя жертвы, къ которымъ способно естество человѣческое по обновленіи своемъ, благопріятны праведному, всесвятому Господу. Къ жертвамъ и всесожженіямъ оскверненнымъ Онъ не благоволитъ. Позаботимся очиститься покаяніемъ!

«Тогда благоволиши жертву правды, возношеніе и всесожигаемая; тогда возложатъ на олтарь Твой тельцы» (Псал. 50, 21): новорожденныя ощущенія обновленнаго Святымъ Духомъ человѣка.

Первая заповѣдь, данная Спасителемъ міра всему безъ исключенія человѣчеству, есть заповѣдь о покаяніи: «начатъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: покайтеся, приближися бо царствіе небесное» (Матѳ. 4, 17). Эта заповѣдь объемлетъ, заключаетъ, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ прочія заповѣди. Тѣмъ человѣкамъ, которые не понимали значенія и силы покаянія, Спаситель говорилъ не разъ: «Шедше, научитеся, что есть, милости хощу, а не жертвы» (Матѳ. 9, 13). Это значитъ: Господь, умилосердившись надъ падшими и погибшими человѣками, всѣмъ даровалъ покаяніе въ единственное средство къ спасенію, потому что всѣ объяты паденіемъ и погибелью. Онъ не взыскиваетъ, даже не желаетъ отъ нихъ жертвъ, къ которымъ они неспособны, а желаетъ, чтобы они умилосердились надъ собою, сознали свое бѣдствіе, освободились отъ него покаяніемъ. Къ упомянутымъ словамъ Господь присовокупилъ страшныя слова: «не пріидохъ», сказалъ Онъ, «призвати праведники, но грѣшники на покаяніе». Кто названы праведниками? тѣ несчастные, слѣпотствующіе грѣшники, которые, будучи обмануты самомнѣніемъ, не находятъ покаяніе существенно нужнымъ для себя, и потому, или отвергаютъ его, или небрегутъ о немъ. О несчастіе! за это отрекается отъ нихъ Спаситель, утрачивается ими сокровище спасенія. «Горе душѣ» — говоритъ преподобный Макарій Великій — «не чувствующей язвъ своихъ и мнящей о себѣ, по причинѣ великаго, безмѣрнаго поврежденія злобою, что она вполнѣ чужда поврежденія злобою. Такой души уже не посѣщаетъ и не врачуетъ благій Врачъ, какъ оставившей произвольно язвы свои безъ попеченія о нихъ, и мнящей о себѣ, что она здрава и непорочна. «Не требуютъ — говоритъ Онъ — здравіи врача, но болящіи» (Матѳ. 9, 12, Слово 6-е о любви, гл. 16).

Ужасная жестокость къ себѣ — отверженіе покаянія! Ужасная холодность, нелюбовь къ себѣ — небреженіе о покаяніи. Жестокій къ себѣ не можетъ не быть жестокимъ и къ ближнимъ. Умилосердившійся къ себѣ пріятіемъ покаянія, вмѣстѣ дѣлается милостивымъ и къ ближнимъ. Изъ этого видна вся важность ошибки: отнять у сердца заповѣданное ему Самимъ Богомъ, существенно и логически необходимое для сердца чувство покаянія, и усиливаться раскрыть въ сердцѣ, въ противность порядку, въ противность установленію Божію, тѣ чувствованія, которыя сами собою должны явиться въ немъ по очищеніи покаяніемъ, но совершенно въ иномъ характерѣ (Св. Исаакъ Сирскій, Слово 55). Объ этомъ характерѣ духовномъ плотской человѣкъ не можетъ составить себѣ никакого представленія: потому что представленіе ощущенія всегда основывается на извѣстныхъ уже сердцу ощущеніяхъ, а духовныя ощу-

щенія вполнѣ чужды сердцу, знакомому съ одними плотскими и душевными ощущеніями. Такое сердце не знаетъ даже о существованіи духовныхъ ощущеній.

Всѣмъ извѣстно, какое душевное бѣдствіе возникло для іудейскихъ книжниковъ и фарисеевъ изъ ихъ неправильнаго душевнаго настроенія: они сдѣлались не только чуждыми Бога, но и изступленными врагами Его, богоубійцами. Подобному бѣдствію подвергаются подвижники молитвы, извергшіе изъ своего подвига покаяніе, усиливающіеся возбуждать въ сердцѣ любовь къ Богу, усиливающіеся ощущать наслажденіе, восторгъ: они развиваютъ свое паденіе, содѣлываютъ себя чуждыми Бога, вступаютъ въ общеніе съ сатаной, заражаются ненавистью къ Святому Духу. Этотъ родъ прелести — ужасенъ: онъ одинаково душепагубенъ, какъ и первый, но менѣе явенъ: онъ рѣдко оканчивается сумасшествіемъ и самоубійствомъ, но растлѣваетъ рѣшительно и умъ и сердце. По производимому имъ состоянію ума Отцы назвали его мнѣніемъ (Преп. Григорій Синаитъ, сл. 108, 128, Доброт., ч. 1; св. Іоаннъ Карпаѳійскій, гл. 49, Доброт., ч. 4). На этотъ родъ прелести указываетъ св. апостолъ Павелъ, когда говоритъ: «Никто же васъ да не прельщаетъ изволеннымъ ему смиренномудріемъ и службою ангеловъ, яже не увѣдѣ уча, безъ ума дмяся отъ ума плоти своея» (Колос. 2, 78). Одержимый этой прелестью мнитъ о себѣ, сочинилъ о себѣ «мнѣніе», что онъ имѣетъ многія добродѣтели и достоинства, — даже, что обилуетъ дарами Святаго Духа. Мнѣніе составляется изъ ложныхъ понятій и ложныхъ ощущеній: по этому свойству своему, оно вполнѣ принадлежитъ къ области отца и представителя лжи — діавола. Молящійся, стремясь раскрыть въ сердцѣ ощущенія новаго человѣка, и не имѣя на это никакой возможности, замѣняетъ ихъ ощущеніями своего сочиненія, поддѣльными, къ которымъ не замедляетъ присоединиться дѣйствіе падшихъ духовъ. Признавъ неправильныя ощущенія, свои и бѣсовскія, истинными и благодатными, онъ получаетъ соотвѣтствующія ощущеніямъ понятія. Ощущенія эти, постоянно усвоиваясь сердцу и усиливаясь въ немъ, питаютъ и умножаютъ ложныя понятія; естественно, что отъ такого неправильнаго подвига образуется самообольщеніе и бѣсовская прелесть — «мнѣніе». «Мнѣніе не допускаетъ быть мнимому» — сказалъ св. Симеонъ, Новый Богословъ (Слово 4, въ концѣ; также Слово 3). Мнящій о себѣ, что онъ безстрастенъ, никогда не очистится отъ страстей; мнящій о себѣ, что онъ исполненъ благодати, никогда не получитъ благодати; мнящій о себѣ, что онъ святъ, никогда не достигнетъ святости. Просто сказать: приписывающій себѣ духовныя дѣланія, добродѣтели, достоинства, благодатные дары, льстящій себя и потѣшающій себя «мнѣніемъ», заграждаетъ этимъ «мнѣніемъ» входъ въ себя и духовнымъ дѣланіямъ,

и христіанскимъ добродѣтелямъ, и Божественной благодати, — открываетъ широко входъ грѣховной заразѣ и демонамъ. Уже нѣтъ никакой способности къ духовному преуспѣянію въ зараженныхъ «мнѣніемъ»: они уничтожили эту способность, принесши въ алтарь лжи самыя начала дѣятельности человѣка и его спасенія — понятія о истинѣ. Необыкновенная напыщенность является въ недугующихъ этой прелестью: они какъ бы упоены собою, своимъ состояніемъ самообольщенія, видя въ немъ состояніе благодатное. Они пропитаны, преисполнены высокоуміемъ и гордостью, представляясь впрочемъ смиренными для многихъ, судящихъ по лицу, не могущихъ оцѣнивать по плодамъ, какъ заповѣдалъ Спаситель (Матѳ. 7, 16; 12, 33), тѣмъ менѣе по духовному чувству, о которомъ упоминаетъ Апостолъ (Евр. 5, 14). Живописно изобразилъ Пророкъ Исаія дѣйствіе прелести «мнѣнія» въ падшемъ архангелѣ, дѣйствіе, обольстившее и погубившее этого архангела. «Ты, — говоритъ пророкъ сатанѣ — реклъ еси во умѣ твоемъ: на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, сяду на горѣ высоцѣ, на горахъ высокихъ, яже къ сѣверу: взыду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему. Нынѣ же во адъ снидеши, и во основаніе земли» (Исаіи 14, 13-15).

Зараженнаго «мнѣніемъ» обличаетъ Господь такъ: «Глаголеши, яко богатъ есмь. и обогатихся, и ничто же требую: и не вѣси, яко ты еси окаяненъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ» (Апок. 3, 17). Господь увѣщаваетъ прельщеннаго къ покаянію; предлагаетъ купить не у кого иного, у Самого Господа, необходимыя потребности, изъ которыхъ составляется покаяніе (Апок. 3, 18). Купля настоятельно нужна: безъ нея нѣтъ спасенія. Нѣтъ спасенія безъ покаянія, а покаяніе принимается отъ Бога только тѣми, которые, для принятія его, продадутъ все имущество свое, то есть, отрекутся отъ всего, что имъ ложно усвоивалось «мнѣніемъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).